

У ласкова князя Владимира
У солнышка у Сеславьича
Было столованье – почестный пир
На многих князей, бояров
И на всю поляницу богатую,
И на всю дружину на храбрую.
Он всех поит и всех чествует,
Он-де всем-де, князь, поклоняется;
И в полупиру бояре напивались,
И в полукушаньях наедались.
Князь по гриднице похаживат,
Белыми руками помахиват,
И могучими плечами поворачиват,
И сам говорит таковы слова:
«Ой вы гой еси, мои князья и бояре,
Ой ты, вся поляница богатая,
И вся моя дружина храбрая!
Кто бы послужил мне, князю, верой-правдою,
Верой-правдою неизменною?
Кто бы съездил в землю дальнюю,
В землю дальнюю, Поленецкую,
К царю Батуру Батвесову?
Кто бы свез ему дани-пошлины
За те годы за прошлые,
И за те времена – за двенадцать лет?
Кто бы свез сорок телег чиста серебра?
Кто бы свез сорок телег красна золота?
Кто бы свез сорок телег скатна жемчуга?
Кто бы свез сорок сороков ясных соколов?
Кто бы свез сорок сороков черных соболей?
Кто бы свез сорок сороков черных выжлоков?
Кто бы свез сорок сивых жеребцов?»

Тут больший за меньшего хоронится,
Ни от большего, ни от меньшего ответа нет.

Из того только из места из среднего

И со той скамейки белодубовой

Выступал удалой добрый молодец

На свои на ноженьки на резвые,

На те ли на сапожки зелен сафьян,

На те ли каблучки на серебряны,

На те ли гвоздички золочены,

По имени Василий сын Казимерский.

Отошедши Василий поклоняется,

Говорит он таковы слова:

«Ой ты гой еси, наш батюшко Владимир-князь!

Послужу я тебе верой-правдою,

Позаочи-в-очи не изменю;

Я-де съезжу в землю дальнюю,

В дальнюю землю Поленецкую

Ко тому царю Батуру ко Батвесову;

Я свезу твои дани-пошлины

За те годы, годы прошлые,

За те времена – за двенадцать лет.

Я свезу твое золото и серебро,

Я свезу твой скатной жемчуг,

Свезу сорок сороков ясных соколов,

Свезу сорок сороков черных соболей,

Свезу сорок сороков черных выжлоков,

Я свезу сорок сивых жеребцов».

Тут Василий закручинился

И повесил свою буйну голову,

И потупил Василий очи ясные

Во батюшко во кирпичат пол.

Надевал он черну шляпу, вон пошел

Из того из терема высокого.
Выходил он на улицу на широку,
Идет по улице по широкой;
Навстречу ему удалый добрый молодец,
По имени Добрыня Никитич млад.
Пухову шляпу снимал, низко кланялся:
«Здравствуешь, удалый добрый молодец,
По имени Василий сын Казимерский!
Что идешь ты с пиру невеселый?
Не дошло тебе от князя место доброе?
Не дошла ли тебе чара зелена вина?
Или кто тебя, Василий, избесчествовал?
Или ты захвастался куда ехати?»
И тут Василий ровно бык прошел.
Забегат Добрынюшка во второй раз;
Пухову шляпу снимал, низко кланялся:
«Здравствуешь, удалый добрый молодец,
Ты по имени Василий сын Казимерский!
Что идешь ты с пиру невеселый,
И невесел идешь ты, нерадошен?
Не дошло ль те, Василий, место доброе?
Не дошла ль от князя чара зелена вина?
Али ты захвастался, Василий, куда ехати?»
И тут Василий ровно бык прошел.
Забегат Добрынюшка в третий-де раз;
Пухову шляпу снимат, низко кланетя:
«Здравствуешь, удалый добрый молодец,
По имени Василий сын Казимерский!
Что ты идешь с пиру невеселый,
Невесел ты идешь с пиру, нерадошен?
Не дошло ль тебе, Василий, место доброе
Не дошла ль тебе чара зелена вина?

Али кто тебя, Василий, избесчествовал?

Али ты захвастался куда ехать?

Я не выдам тебя у дела ратного

И у того часу скоро-смертного!»

И тут Василий возрадуется.

Сохватал Добрыню он в беремячко,

Прижимат Добрынюшку к сердечушку

И сам говорит таковы слова:

«Гой еси, удалой добрый молодец,

По имени Добрыня Никитич млад!

Ты, Добрыня, будь большой мне брат,

А я, Василий, буду меньшей брат:

Я у ласкова князя Владимира

На беседе на почестныя,

На почестныя, на большом пиру

Я захвастался от князя съездити

Во ту во землю во дальнюю

Ко царю Батуру ко Батвесову,

Свезти ему дани-выходы

За те годы – за двенадцать лет:

Свезти туда злато, серебро,

Свезти туда скатный жемчуг,

Свезти сорок сороков ясных соколов,

Свезти сорок сороков черных соболей,

Свезти сорок сороков черных выжлоков,

Свезти сорок сивых жеребцов».

И проговорит Добрыня Никитич млад:

«Не возьмем везти от князя от Владимира,

Не возьмем от него дани-пошлины;

Мы попросим от собаки Батура Батвесова,

Мы попросим от него дани-пошлины».

И тут молодцы побратались,

Воротились назад ко князю Владимиру,
Идут они в палаты белокаменны;
Крест кладут по-писаному,
Поклон ведут по-ученому,
Поклоняются на все стороны:
«Здравствуешь, Владимир-князь,
И со душечкой со княгинею!»
Князьям-боярам на особицу.
И проговорит ласковый Владимир-князь:
«Добро пожаловать, удалы добры молодцы,
Ты, Василий сын Казимерский,
Со Добрынюшкой со Никитичем!
За один бы стол хлеб-соль кушати!»
Наливает князь чары зелена вина,
Не малы чары – в полтора ведра,
Подает удалым добрым молодцам
Принимают молодцы единой рукой,
Выпивают чары единым духом,
И садятся на скамеечки дубовые,
Сами говорят таковы слова:
«Гой еси, ласковый Владимир-князь!
Не желаем мы везти от тебя дани-пошлины;
Мы желаем взять от Батура от Батвесова,
Привезти от него дани пошлины
Ласкову князю Владимиру.
И садись ты, ласковый Владимир-князь,
Садись ты за дубовый стол,
И пиши ты ярлыки скорописчаты:
«Дай ты мне, собака, дани-пошлины
За те годы за прошлые,
И за те времена – за двенадцать лет,
И дай ты нам злата-серебра,

И дай ты нам скатна жемчуга,
И дай ты нам ясных соколов,
И дай ты нам черных соболей,
И дай ты нам черных выжлоков,
И дай ты нам сивых жеребцов».
Подает ласковый Владимир-князь
Удалым молодцам ярлыки скорописчаты;
И берет Василий Казимерский.
И кладет ярлыки во карманчики;
И встают молодцы на резвы ноги,
Сами говорят таковы слова:
«Благослови нас, ласковый Владимир-князь,
Нам съездить в землю Поленецкую»
И выходили молодцы на красно крыльцо,
Засвистали молодцы по-соловьиному,
Заревели молодцы по-звериному.
Как из далеча, далеча, из чиста поля
Два коня бегут, да два могучие
Со всею сбруею богатырскою.
Брали молодцы коней за шелков повод
И вставали в стремяшки гольяшные,
И сажались во седельшки черкасские.
Только от князя и видели,
Как удалы молодцы сажались,
Не видали, куда уехали:
Первый скок нашли за три версты,
Другой скок нашли за двенадцать верст,
Третий скок не могли найти.
Подбегают они в землю дальнюю,
В землю дальнюю, Поленецкую,
Ко тому царю Батуру ко Батвесову,
Ко тому ко терему высокому.

Становилися на улицу на широку,
Скоро скакивали со добрых коней;
Ни к чему коней не привязывали,
Никому коней не приказывали,
Не спрашивали они у ворот приворотников,
Не спрашивали они у дверей придверников,
Отворяли они двери на пяду,
Заходили во палату белокаменну;
Богу молодцы не молятся,
Собаке Батуру не кланяются,
Сами говорят таковы слова:
«Здравствуешь, собака, царь Батур!
Привезли мы тебе дани-пошлины
От ласкова князя Владимира».
И вынимат Василий Казимерский,
Вынимат ярлыки скорописчаты
Из того карману шелкового
И кладет на дубовый стол:
«Получай, собака, дани-пошлины
От ласкова князя Владимира».
Распечатывал собака Батур Батвесов,
Распечатывал ярлыки скорописчаты,
А сам говорил таковы слова:
«Гой еси, Василий сын Казимерский,
Отсель тебе не уехати!»
Отвечат Василий сын Казимерский:
«Я надеюсь на Мати чудную Пресвятую Богородицу,
Надеюсь на родимого на брателка,
На того ли братца на названого,
На Добрыню ли на Никитича».
Говорит собака Батур таковы слова:
«Поиграем-те-ко, добры молодцы, костью-картами!»

Проговорит Василий сын Казимерский:

«Таковой игры я у те не знал здесь,
И таковых людей из Киева не брал я».

И стал Батур играть костью-картами
Со младым Добрынею Никитичем.

Первый раз собака не мог обыграть,
Обыграл Добрыня Никитич млад.

И второй раз собака не мог обыграть,
Обыграл его Добрыня Никитич млад.

И в третий раз собака не мог обыграть,
Обыграл его Добрыня Никитич млад.

Тут собаке за беду стало,

Говорит Батур, собака, таковы слова:

«Что отсель тебе, Василий, не уехати!»

Проговорит Василий сын Казимерский:

«Я надеюсь на Мати Пресвятую Богородицу

Да надеюсь на родимого на брателка,

На того на братца названого,

На того Добрыню Никитича!»

Говорит собака таковы слова:

«Ой ты гой еси, Василий сын Казимерский,

Станем мы стрелять за три версты,

За три версты пятисотные,

В тот сырой дуб кряковистый,

Попадать в колечко золоченое».

И проговорит Василий сын Казимерский:

«А такой стрельбы я у тебя не знал,

И таковых людей не брал из Киева».

Выходил собака на красно крыльцо,

Зычал-кричал зычным голосом:

«Гой еси вы, слуги мои верные!

Несите мне-ка тугой лук

И несите калену стрелу!»
Его тугой лук несут девять татаринов,
Калену стрелу несут шесть татаринов.
Берет собака свой тугой лук
И берет калену стрелу;
Натягает собака свой тугой лук
И кладет стрелу на тетивочку;
И стреляет он за три версты,
За три версты пятисотные.
Первый раз стрелил – не дострелил,
Второй раз стрелил – перестрелил,
Третий раз стрелил – не мог попасть.
И подает свои тугой лук Добрынюшке,
Добрынюшке Никитичу,
И подает калену стрелу.
Стал натягивать Добрыня тугой лук,
И заревел тугой лук, как лютые звери,
И переламывал Добрыня тугой лук надвое.
И бросил он тугой лук о сыру землю,
Направлял он калену стрелу наперед жалом,
И бросал он стрелу за три версты,
За три версты пятисотные,
И попадал в сырой дуб кряковистый,
В то колечко золочено:
Разлетался сырой дуб на драночки.
И тут собаке за беду стало,
За великую досаду показалось;
Говорит собака таковы слова:
«Ой ты гой еси, Василий сын Казимерский,
Что отсель тебе не уехати!»
Проговорит Василий сын Казимерский:
«Я надеюсь на Пречистую Богородицу

Да надеюсь на родимого на брателка,
Да на того братца названого,
На того Добрыню Никитича».

Проговорит собака царь Батур:

«Да нельзя ли с вами, молодцы, побороться?»

Проговорит Василий сын Казимерский;

«Я такой борьбы, собака, не знаывал,
Таковых людей не брал из Киева».

И тут собаке за беду стало:

Он кричал, зычал, собака, зычным голосом,

Набежало татар и силы-сметы нет.

И выходил Добрыня на улицу на широку,

И стал он по улочке похаживать.

Схватились за Добрыню три татарина:

Он первого татарина взял – разорвал,

Другого татарина взял – растоптал,

А третьего татарина взял за ноги,

Стал он по силе похаживать,

Зачал белыми руками помахивать,

Зачал татар поколачивать:

В одну сторону идет – делат улицу,

Вбок повернет – переулочек.

Стоял Василий на красном крыльце,

Не попало Василью палицы боевья,

Не попало Василью сабли вострыя,

Не попало ему копыя мурзамецкого –

Попала ему ось белодубова,

Ось белодубова семи сажень;

Сохватал он ось белодубову,

Зачал он по силе похаживать

И зачал татар поколачивать.

Тут собака испужается,

По подлавке навалается;
Выбегал собака на красно крыльцо,
Зычал, кричал зычным голосом:
«Гой еси, удалы добры молодцы!
Вы оставьте мне хоть на приплод татар,
Вы оставьте мне татар хоть на племена!»
Тут его голосу молодцы не слушают.
Зычит, кричит собака зычным голосом:
«Я отдам ласкову князю Владимиру,
Отдам ему дани и пошлины
За те годы за прошлые,
За те времена – за двенадцать лет,
Отдам сорок телег красна золота,
Отдам сорок телег скатна жемчуга,
Отдам сорок телег чиста серебра,
Отдам сорок сороков ясных соколов,
Отдам сорок сороков черных соболей,
Отдам сорок сороков черных выжлоков,
Отдам сорок сивых жеребцов».
Тут его молодцы послушались,
Бросали худой бой о сыру землю;
Идут они ко высокому нову терему,
Выдает им собака дани-пошлины,
Насыпает тележки златокованные,
Отправляет в стольный Киев-град
Ко ласкову князю Владимиру,
И ко солнышку ко Сеславьеву.
Тут садились добры молодцы на добрых коней,
Вставали в стремяшки гольяшные
И садились в седельшки черкасские.
И поехали молодцы в свою сторону,
Ко ласкову князю Владимиру.

Едут ко высокоу нову терему,
Становятся на улицу на широку;
Воходят во палату белокаменну,
Крест кладут по-писаному,
Поклон ведут по-ученому:
«Здравствуешь, ласковый Владимир-князь!» –
«Добро жаловать, удалы добры молодцы!»
Он садит их на скамейки на дубовые,
Наливает чары зелена вина,
Не малые чары – в полтора ведра,
Подает удалым добрым молодцам.
Принимают добры молодцы единой рукой,
Выпивают добры молодцы единым духом.
На резвы ноги стают, низко кланяются.
«Ой ты гой еси, ласковый Владимир-князь,
Привезли мы тебе дани-пошлины,
От собаки Батура Батвесова!»
Кланяется им ласковый Владимир-князь,
Кланяется до сырой земли:
«Спасибо вам, удалы добры молодцы,
Послужили вы мне верой-правдою,
Верой-правдою неизменною!»